

Вестник ТвГУ. Серия "Экономика и управление". 2016. №4. С. 14-20.

УДК 330.101+330.142

ВИРТУАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА И ВИРТУАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Гуляева О.С.¹, Гуляев Р.А.²

¹Тверской государственной университет, г. Тверь

²Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва

Дан концептуальный анализ понятия «виртуальная экономика» и «виртуальный капитал». Рассматривается эволюция термина «виртуальное» в западноевропейской философии и его появление в современном экономическом словаре. Приведены различные трактовки терминов виртуальная экономика и виртуальный капитал, выполнен их анализ с учетом эволюции понятия «виртуальное», предложены альтернативные способы концептуализации данных понятий.

Ключевые слова: виртуальное, виртуальный капитал, виртуальная экономика, фиктивный капитал, электронный капитал, диджитализация.

Сегодня в эпоху всеобщей диджитализации (от англ. digital цифровой), под которой понимают распространение цифровых технологий хранения, передачи и обращения с данными, можно все чаще видеть, как термины, присущие исключительно сфере высоких технологий, проникают в профессиональный язык представителей других сфер. Экономическая наука в большой степени подвержена влиянию словаря диджерати (западной элиты компьютерной и интернет индустрии), так как реалии ее функционирования принципиально завязаны на использование последних технологических достижений. Диджитализация экономики обусловлена стремлением как ключевых игроков, так и рядовых пользователей ускорить обращение экономических агрегатов и информации о них, чтобы сократить свои издержки и оптимизировать процесс принятия решений. В исследовательском дискурсе появляются термины «виртуальная экономика» и «виртуальный капитал», которые не имеют однозначного толкования, что будет показано в статье. Помимо практической необходимости прояснить их значение, необходимо проанализировать генезис термина «виртуальное», которое до появления в экономическом дискурсе имело определенное количество устойчивых коннотаций как в русле современной «виртуалистики», так и ранее в западноевропейской философии. Мы не ставим перед собой цели провести исчерпывающее исследование эволюции этого термина: это выходит за пределы компетенции экономистов, к тому же, подобные работы уже существуют [5]. Необходимо кратко осветить реперные точки генезиса «виртуального», рассмотреть существующие трактовки в обывательском и экономическом дискурсах и отобрать концептуально наиболее удачные (или сформулировать новые) подходы к его пониманию.

Виртуальное происходит от латинского *virtus*, что дословно обозначает абстрактного человека мужского пола. По смыслу это некий идеал, к которому должен был стремиться римский патриций при жизни. Несмотря на то, что исследователи [5] указывают на генетическую связь понятия виртуального с платоновскими идеальными сущностями (эйдосами) или аристотелевскими энтелехиями, рождение термина произошло именно в Римской империи, откуда потом перешло в философию схоластики. Традиция средневековой мысли унаследовала многие основополагающие трактовки эллинистической философии, и развивала понятие виртуального в христианском дискурсе, что включало его сакрализацию. Философия Модерна со своим стремлением порвать со схоластической традицией почти не использовала термин «виртуального», в силу чего тот не имел определенного статуса в эпоху Просвещения. По сути, в таком состоянии он прибывал до той поры, пока не был активно (возможно именно благодаря своей «свежести») использован Ж. Делезом, а после и многими другими философами – С. Жижекком, А. Бергсоном, Ж. Лаканом и их последователями.

Для Делеза виртуальное не тождественно возможному, и не противоположно реальному – «виртуальное обладает полной реальностью в качестве виртуального» [2, с. 113]. Иначе говоря, виртуальное по Делезу – необходимый фрейм существования самой реальности,

дополнительное реальному (со-возможное) измерение. Не вдаваясь в подробности философии Делеза, приведем из других сфер несколько примеров корректного (по Делезу) понимания виртуального.

Современная физика еще в начале XX века отошла от наивного реализма (направление в философии науки, не подвергающее сомнению истинность непосредственно наблюдаемых объектов и процессов) и научного реализма Эрнста Маха, который полагал, что нет смысла изучать то, что нельзя буквально проверить, «пощупать руками». Квантовая физика, теория струн уже не соответствуют строгим идеалам науки прошлого, так как имеют дело с не регистрируемыми непосредственно сущностями и процессами. Можно привести в пример трактовку квантовой физики Эверетта (широко известная как концепция мультивселенной), которая согласно представлениям современных ученых принципиально недоказуема, однако с необходимостью следует из современных постулатов квантовой физики и Стандартной Модели, и является скорее «научной метафизикой». В этом представлении множество миров мультиверса являются виртуальными, а наш мир является лишь одним из этого множества. Вот что говорит Д. Дойч, один из пионеров в области квантовых вычислений: «Мы ... придерживаемся мнения, что реальность существует. ... Но мы никогда не воспринимаем реальность непосредственно. Каждая отдельная крупинка наших внешних ощущений – это часть виртуальной реальности» [3, с. 59].

Приведем также слова испанского социолога М. Кастельса. «Реальность, как она переживается, всегда была виртуальной – она переживалась через символы» [4, с. 351]. В его социологической теории указывается, что современное общество, дополненное и модифицированное посредством современных технологий, СМИ, и даже сама реальность (понимаемая как общая совокупность различных планов), становятся полностью информационными, иначе говоря – виртуальными.

Вернемся собственно к сущностным характеристикам виртуального и приведем трактовку отечественных исследователей данного явления. Оно предстает одновременно как «общность для различных возможностей сущего сосуществовать» и как «базовое условие для разнообразной событийности» [5, с. 69], иными словами, как вся потенциально возможная (но не обязательно актуальная) реальность.

Таков исторический генезис виртуального как философской концепции. Однако во всеобщий дискурс оно попало лишь в 1990-х, когда утвердилось в словаре диджерати. Данное сообщество состояло из креативных и способных людей, которые тем не менее не имели достаточных познаний в философии, поэтому многие термины, имевшие существенную смысловую нагрузку, трактовали и использовали довольно свободно, том числе и «виртуальное/виртуальность».

Впервые термин «виртуальное» в «digital» (цифровом) смысле употреблялся такими представителями диджерати, как Д. Ланье и М. Крюгер, и относился к воображаемым мирам, созданными компьютерной графикой. На базе таких представлений сформировалось такое направление исследований как «виртуалистика», изучавшее зарождающийся «виртуальный мир» видеоигр и интернета.

Такое узкое понимание «виртуального», укрепившееся в общественном дискурсе сначала США, а потом и в мире, первоначально легло в основу виртуальной экономики. В иностранном сегменте интернета главенствует трактовка, что виртуальная экономика – такая экономика, которая существует в виртуальном мире (в смысле онлайн игр) и в которой обращаются виртуальные блага (внутренняя валюта) для достижения целей данной онлайн игры. Такая трактовка лишает этот термин какой-либо существенной научной ценности, оставляя ему крайне узкий сегмент применения – квази-экономические отношения онлайн игроков в рамках компьютерной симуляции. Она игнорирует философские смыслы виртуального, возвращая нас к его узкому «цифровому» определению. Обозначим такую трактовку как *цифровую в узком смысле*. С нашей точки зрения, в данном случае более удачным было бы говорить собственно об экономике видеоигр.

Нарастающее проникновение современных технологий и вместе с тем словаря диджерати в быт породило расширенную трактовку виртуального. Например, А. Крокер и М. Вэйнстейн в терминах исторического материализма развили теорию о виртуализации как об отчуждении человека от собственного тела в процессе интенсивного пользования современными информационными технологиями и гаджетами (концепция тела на проводах).

Эту трактовку можно условно обозначить как *цифровую* (или *электронную*) в широком смысле. Она подразумевает, что виртуальная экономика – сегмент экономической системы, представляющий собой совокупность таких производственных отношений, которые принципиально завязаны на передовые технологии передачи и хранения информации. Технология в данном случае является и необходимым, и достаточным условием (инфраструктурным элементом) ее существования. Примером таких отношений может стать электронная торговля, (e-commerce), современные высокотехнологичные биржи ценных бумаг (например, Forx), и некоторые квази-денежные агрегаты, в том числе криптовалюты (Bitcoin и другие). В связи с такой трактовкой виртуального в экономике, так же появляется понятие «виртуального капитала». В таком контексте под ним понимаются такие производственные отношения по поводу производства прибавочной стоимости, функционирование которых невозможно без современных цифровых технологий.

Тем не менее, такой подход, не отражает всех коннотаций, которые несет термин виртуального. Оно не ограничивается современными цифровыми технологиями и электронными формами оборота благ. В исследованиях второй половины XX века, когда технологическое развитие человечества находилось на качественно ином уровне, такие философы как Делез, Арто и Жижек говорили о виртуальном в гораздо более широком смысле, включая сюда и влияние средств массовой информации, культуры (театр, кино). Если перенести это на экономические реалии, то виртуальными оказываются, например, бренды, которые существуют без какой-либо поддержки цифровых технологий «на бумаге» и «в головах». Несмотря на методологическую пользу такого ракурса анализа экономических явлений, само использование термина «виртуальное» некорректно. Собственно, отталкиваясь от непосредственного смысла, вкладываемого в эту трактовку, лучше говорить об *электронной экономике* (акцент на необходимую для ее осуществления технологическую инфраструктуру) и *электронном капитале* (e-capital по аналогии с e-commerce).

Несмотря на существенное влияние диджера на трактовку виртуального, в профессиональном и научном дискурсе существуют иные подходы. Например, условно неомарксистские трактовки, которые распадаются на несколько направлений.

Существуют подходы, прямо противопоставляющие виртуальную экономику реальной (например, российским экономистом и политиком О. Дмитриевой). Под этим подразумевается такой взгляд, который отдает предпочтение экономическому развитию промышленности, в первую очередь тяжелую, беря за образец индустриализацию Советского Союза или индустриальное развитие Китая. В такой трактовке под «виртуальными» подразумеваются экономические отношения, завязанные на титулах собственности. Под виртуальным капиталом же подразумеваются другие виды капиталов помимо реального (так же называемого действительным или производственным), например, фиктивный или ссудный. Таким образом, мы получаем жесткую бинарную оппозицию, в которой «хороший» производственный капитал противопоставляется «плохому» виртуальному. Назовем этот подход «*антагонистическим*».

Такой подход имеет существенные недостатки как в экономическом смысле, так и в философском. С точки зрения философского бэкграунда термина «виртуальное» его противопоставление реальному неверно. Как мы писали выше, «виртуальное реально», и вместе с тем оно не не-возможно, а со-возможно реальному. Исследователи данной темы [5] отдельно подчеркивают неправомочность такого противопоставления, так как реальному противостоит не-реальное (или ареальное), нетождественное виртуальному.

Со стороны политической экономии также представляется методологически неверным такое вольное смешение разных типов капитала (как мы писали выше по крайней мере фиктивного и ссудного) в одном. Фиктивный капитал – капитал, который имеет собственное движение, отличное от кругооборота действительного капитала как в производственной, так и в денежной формах, и является инструментом перераспределения дохода (произведенного за данный период) и/или накопленного богатства [6, с. 33]. Его отличительными чертами являются принципиальная неспособность к созданию добавочной стоимости, собственное обособленное движение на рынке ценных бумаг, неденежная форма и лишь номинальная связь со стоящим за ним производственным капиталом. Ссудный капитал – денежный капитал, предоставленный во временное пользование на условиях срочности и возвратности. Ссудный

капитал впервые возник как ростовщический довольно давно, в то время как фиктивный капитал в форме долевых и долговых ценных бумаг появился сравнительно поздно, лишь в 16 веке в Нидерландах [7, с. 80]. Исследователями не предлагается четкого объяснения, почему эти различные агрегаты требуется объединять под единым термином «виртуального» капитала.

В силу указанных аргументов, в рамках такой риторики противопоставления реального производства и действительного капитала финансовым спекуляциям и фиктивному (или какому-либо другому) капиталу стоит пользоваться классическим словарем политической экономии. Нет оснований вводить новые термины.

Другой подход назовем «*умеренным неомарксистским*». Он разработан отечественными экономистами А. Бузгалиным и А. Колгановым в ряде их совместных работ. В центре внимания исследователей находится не виртуальная экономика, а виртуальный капитал. Они дополняют классическое понимание фиктивного капитала новой коннотацией, отсылающей скорее к «электронной» трактовке виртуального. Согласно их взглядам, виртуальный капитал – это фиктивный капитал, которому современные технологии создали достаточную материальную базу для сращивания с деньгами в узком смысле слова (M1), местом дислокации которых становятся мировые информационные системы [8]. Соответственно, виртуальная экономика в таком случае (авторы не акцентируют свое внимание на этом феномене) – экономика, в которой основные тренды и изменения определяются виртуальным капиталом.

Авторы отдельно акцентируют внимание читателей, что капитал этот виртуален не только в силу той технической базы, на которой он функционирует, что качественно отделяет его от «электронной» трактовки. Они пишут, что «виртуальность денег в данном случае означает не только их электронную форму, но и их вероятностное, неустойчивое, случайное бытие» [8]. Под этой «вероятностной формой» авторы подразумевают тот факт, что данный капитал, во-первых, обретает благодаря своему электронному воплощению сверхликвидность и небывалую скорость обращения, а, во-вторых, становится крайне неустойчивым к потрясениям благодаря своему спекулятивному характеру, а также зависимости от стихийного развития конъюнктуры мирового рынка и от отдельных институтов глобального капитала. Вероятностный характер такого капитала состоит также и в том, что большинство ценных бумаг (в частности деривативы, составляющие большую часть современного рынка ценных бумаг) регулируют отношения вокруг денежных потоков, которых еще нет (они возникнут лишь в будущем), и этим усиливают неопределенность своего состояния. Кроме того, авторы отмечают растущие транзакционные издержки (из-за повышения рисков неустойчивости генерируемых денежных потоков) и формирование мировой финансовой суперсети этим капиталом. Отдельно подчеркивается факт, что это не просто новое явление в экономике, а что именно такой тип капитала становится доминирующим, он превращается в универсальный регулятор мировой экономики. Ситуация усугубляется тем, что данный капитал фактически находится в частной собственности богатейших ТНК и кланов, а его «виртуальность» позволяет ему неограниченно самовозрастать (как фиктивному капиталу). Все вышеуказанные факторы позволяют авторам сделать вывод о том, что на современном этапе в глобальной экономике такой «международный корпоративный виртуальный капитал является основой социально-экономической силой тотальной гегемонии капитала вообще».

Таким образом, данная трактовка говорит о капитале как о виртуальном, указывая на:

- a. форму его существования (электронную),
- b. его неустойчивость (вероятностный характер)
- c. формирование им суперсети, связывающей всю экономику (всеохватность).

Обозначенные в данном подходе явления современной экономики и их последствия действительно играют большую роль по крайней мере в последние 20-30 лет, и, во всей видимости, в будущем их значение только возрастет. Объединение «оцифрованного» фиктивного капитала и денег в узком смысле, их совместная эволюция, произвольное саморазрастание и генерируемая неустойчивость для глобального рынка являются реалиями сегодняшней экономики.

Тем не менее, с точки зрения философского «виртуального», такой концепт не в полной мере (скорее лишь метафорически) соответствует своему названию. Анализируя те основания, которые авторы идеи указали в своих работах: электронная форма существования, вероятностный характер, всеохватность – мы приходим к выводу, что лишь последнее в

полной мере соответствует оригинальному (делезианскому) смыслу виртуального. Электронная трактовка виртуального (при всей ее распространенности) не соответствует философскому дискурсу, причины этого указаны выше. Термины «виртуальное» и «вероятностное/стохастическое» не имеют прямой связи. Вероятность как математическая категория (по всей видимости) виртуальна, так как является обобщенной (идеальной) характеристикой процессов окружающего мира. Тем не менее, обратная зависимость (вероятностное, значит, виртуальное) не обязательно выполняется. Всеохватность, всепроникновение, абсолютная пластичность, присущие виртуальному капиталу в умеренной неомарксистской трактовке, являются характеристиками виртуального как такого. Причем стоит указать, что несмотря на неправомочность digital подхода, в случае экономики именно технологические достижения и планомерное внедрение передовых технологий хранения, передачи и обработки информации на протяжении XX века позволили экономическим процессам и капиталу стать поистине глобальным и сформировать ту самую суперсеть. Таким образом, такая трактовка виртуального капитала дважды отсылает нас виртуальному: через всеохватность и через «оцифрованность» как основу этой всеохватности. Тем не менее, надо понимать, что, во-первых, это не строгое определение, а лишь удачное сравнение, во-вторых, что даже такая метафора упускает некоторые существенные моменты в концептуализации виртуального и одновременно приписывает ему некоторые нехарактерные свойства. Более удачными представляются термин «*превратный капитал*» (данный термин также используется в схожем значении Бугалиным и Колгановым, например, «превратный сектор есть сфера создания, потребления и превращений (транзакций) продуктов глобального виртуального капитала» [8]).

Вернемся собственно к виртуальному в его первоначальном смысле и проанализируем, какое воплощение оно находит в экономическом. Экономическое существует на стыке строгих математических вычислений (по поводу производства, обмена и распределения благ) и индивидуальной психологии принятия решений участниками рынка. По меткому выражению французского философа науки Брюно Латура, экономика – это место, где «холодные вычислительные способности (calculative abilities) встречаются со страстными интересами (passionate interests)» [1, с. 24]. Несмотря на то, что экономика (и в первую очередь политэкономию) претендует на оперирование материальными сущностями, все они становятся экономическими, только когда оказываются частью производственных отношений. Фрезерный станок остается просто сложным технологическим устройством, рабочий остается просто абстрактным человеком, а цех остается просто помещением, пока они все не оказываются вовлечены в производство некоторого продукта. «Экономическое» – это не некоторые конкретные объекты или материал, из которого они сделаны (как деревянное), это тип связи, возникающий между этими объектами в определенной ситуации (или при определенном угле зрения). Реальное воплощение экономическое находит только «в головах» людей, которые артикулируют и согласовывают свои личные («чувственные») интересы, и в бумажных или электронных записях, что ясно отражено в неоклассической теории контрактов (за проработку которой была получена последняя Нобелевская премия по экономике 2016 года). Таким образом, бытие экономического виртуально: мысли и желания отдельных экономических субъектов, дополняются символическими записями на материальных носителях и в информационных сетях. То же относится и к капиталу: являясь по определению совокупностью производственных отношений, он существует лишь виртуально, так что, строго говоря, термин «виртуальный капитал» - плеоназм.

Подведя промежуточный итог, можно констатировать, что ни один из общепринятых подходов не проходит проверку на соответствие одновременно требованиям экономики и философии. «Цифровые» подходы (в узком и широком смысле) не соответствуют оригинальному (делезианскому) смыслу виртуального и в экономическом дискурсе лучше говорить об экономике видеонигр и электронной (цифровой) экономике/капитале. «Неомарксистские» подходы лучше пытаются на базе традиционной политэкономии назвать виртуальными различные капиталы (фиктивный и ссудный в случае «антагонистической» трактовки, «оцифрованный» фиктивный, слившийся с агрегатом M1 в трактовке Бугалина и Колганова), однако они тоже не учитывают весь объем смыслов, заложенный в «виртуальном». Данные подходы не учитывают, что «виртуальное» в широком (по сути, своем

исходном) смысле является постоянным референтом всего «экономического», и что роль современных информационных (и других) технологий в эволюции рыночных систем сугубо инструментальная, а не фундаментальная. Не пытаясь провести исчерпывающий анализ, наметим перспективные направления возможной концептуализации «виртуальной экономики».

Оптимальный подход должен сочетать в себе экономическую строгость, проработанность и возможность прикладного использования, и вместе с тем должен согласовываться с оригинальными философскими трактовками. Исходя из наиболее широкого определения виртуального как «всего данного/возможного сущего» (линия Внешнего в трактовке Делеза), стоит в первую очередь сместить акцент и говорить не о «виртуальном экономическом», а о «экономическом виртуальном». Иначе говоря, мы имеем дело не столько с виртуальной экономикой, сколько с экономической виртуальностью, с некоторым обособленным онтологическим регионом или с отдельным модусом существования (*modus of existence*), накладывающего качественно новые фильтры на взаимодействие актантов и протекание процессов. Данная инверсия напрямую отсылает непосредственно к современной реконцептуализации виртуального (например, в [5, с. 68] «термин «виртуальная реальность» видится пустой тавтологией..., а «реальная виртуальность» видится семантически равной «гиперреальности» и другим подобным конструктам») и позволяет учесть весь ретроспективный анализ философских представлений о виртуальном. Такой подход позволяет также учесть тот факт, что, вопреки представлениям диджерати и их сторонников, экономика всегда существовала в виртуальном пространстве, просто сейчас она обрела новое институциональное оформление с помощью информационных технологий. Данные технологии не привнесли никаких фундаментальных качественных изменений, а лишь помогли более широкому кругу экономических субъектов (до этого ошибочно полагавших «экономическую реальность» подлинно трансцендентной) непосредственно ощутить «виртуальность» всей экономической системы.

Тем не менее, такое буквальное перенесение подходов сталкивается с ограниченной инструментальной применимостью. Указание на виртуальность экономики приводит к тому, термин «виртуальная экономика» теряет свой смысл, а термин «экономическая виртуальность» фактически отождествляется с «экономикой вообще». Подобные манипуляции с капиталом и вовсе не несут конструктивного смысла: виртуальный капитал – весь наличный (а также потенциально возможный) капитал, капитальная/капитализированная виртуальность, в свою очередь, не имеет однозначной трактовки и приведет лишь к большей методологической путанице. Альтернативным способом концептуализации термина может стать *метафорическое* осмысление виртуальной экономики как такого типа экономической системы, в которой повсеместно распространившиеся информационные технологии позволили ее «виртуальности» стать прослеживаемой, наглядной, и вместе с тем сделали ее подлинно всеохватной, динамически гибкой и крайне волатильной (неустойчивой). «Электронная» составляющая присутствует в такой трактовке, однако более не рассматривается как базовая установка, становясь лишь инструментальной характеристикой способа организации системы, не несущей в себе новых сущностных черт.

Таким образом, наиболее продуктивным представляется именно понимание виртуальной экономики как *современного этапа эволюции экономической системы* характеризующийся *финансализацией, глобализацией* (или даже глокализацией), *большой ролью фиктивного капитала, высоким уровнем волатильности и неопределенности мировых рынков, диджитализацией* и другими особенностями. Естественно, в такой трактовке «виртуальность» экономики – метафора (так как, строго говоря, она всегда была виртуальной), которая тем не менее указывает на ее важные черты, такие как всеохватность и глобальность, неопределенность и волатильность. Термин «виртуальный капитал» в рамках такой концептуализации не является продуктивным для экономических исследований, буквально обозначая *весь наличный (а также потенциально возможный) капитал*.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что в рамках данной статьи обозначены наиболее перспективные направления совместной концептуализации «виртуального» и «экономического», одновременно учитывающие генезис понятия «виртуальное» в западноевропейской философии, основания экономической науки и определяющие реалии современной экономики.

Список литературы

1. Latour B., Lepinay V. A. The Science of Passionate Interests: An Introduction to Gabriel Tarde's Economic Anthropology. Prickly Paradigm Press Chicago, 2009. 92 с
2. Делез Ж. Логика смысла. М.: Академический проект, 2010. 761 с.
3. Дойч Д. Структура реальности. М.: РХД, 2011. 564 с.
4. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ-ВШЭ, 2000. 454 с.
5. Рьженков В. Концептуализация реального и виртуального в современной философии, науке и культуре. М.: Lambert Academic Publishing, 2015. 06.25.
6. Ведута Е., Гуляев Р. Роль фиктивного капитала в централизации капиталов в условиях современного экономического кризиса // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2015. № 3. С. 32-36
7. Ведута Е., Гуляев Р. Фиктивный капитал: развитие фондовых бирж в странах СНГ // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2016. № 2. С. 79-86.
8. Бузгалин А., Колганов А. Деньги XXI века: виртуальный фиктивный финансовый капитал [Электронный ресурс]. <http://www.alternativy.ru/ru/node/782> (дата обращения - 1.10.2016)

VIRTUAL ECONOMY AND VIRTUAL CAPITAL: CONCEPTUAL ANALYSIS

Gulyaeva O. S.¹, Gulyaev R. A.²

¹Tver State University, Tver

²Moscow State University of M. V. Lomonosov, Moscow

The authors analyze the concepts of "virtual economy" and "virtual capital". The article investigates the evolution of the term "virtual" in European philosophy and its emergence in modern economic vocabulary. The authors consider different existing approaches to the terms of "virtual economy" and "virtual capital", analyze them critically regarding the evolution of the term "virtual" and provide alternative ways of conceptualizing these terms.

Key words: *virtual, virtual capital, virtual economy, fictitious capital, e-capital, digitalization.*

Об авторах:

ГУЛЯЕВА Ольга Станиславовна – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры финансов Тверского государственного университета, e-mail: eco_fic@mail.ru

ГУЛЯЕВ Роман Андреевич, аспирант Факультета Государственного Управления Московского Государственного Университета им. М. В. Ломоносова (119991, Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4), email: mail--ru@mail.ru

About the authors:

GULYAEVA Olga Stanislavovna – candidate of economic science, associate professor, associate professor of department of finance of Tver State University, e-mail: eco_fic@mail.ru.

GULJaEV Roman Andreevich, graduate student of School of Public Administration of Moscow State University of M.V. Lomonosov (119991, Moscow, Lomonosovsky prospect, 27-4), email: mail--ru@mail.ru

References

1. Latour B., Lepinay V. A. The Science of Passionate Interests: An Introduction to Gabriel Tarde's Economic Anthropology. Prickly Paradigm Press Chicago, 2009. 92 с
2. Делез Ж. Логика смысла. М.: Академический проект, 2010. 761 с.
3. Дойч Д. Структура реальности. М.: РХД, 2011. 564 с.
4. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ-ВШЭ, 2000. 454 с.
5. Рьженков В. Концептуализация реального и виртуального в современной философии, науке и культуре. М.: Lambert Academic Publishing, 2015. 06.25.
6. Ведута Е., Гуляев Р. Роль фиктивного капитала в централизации капиталов в условиях современного экономического кризиса // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2015. № 3. С. 32-36
7. Ведута Е., Гуляев Р. Фиктивный капитал: развитие фондовых бирж в странах СНГ // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2016. № 2. С. 79-86.
8. Бузгалин А., Колганов А. Деньги XXI века: виртуальный фиктивный финансовый капитал [Электронный ресурс]. <http://www.alternativy.ru/ru/node/782> (дата обращения - 1.10.2016)